

Григорий Явлинский Февральские параллели

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА
В ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА РЕЗУЛЬТАТОМ
ЗАГОВОРА МАСОНОВ И ВРАЖЕСКИХ
СИЛ, И ПОЧЕМУ СОВРЕМЕННЫЕ
РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ ПЫТАЮТСЯ
СНОВА ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ?

1917–2007

Григорий
Явлинский
**Февральские
параллели**

Москва, 2007

УДК 32

ББК 66

Я 20

ISBN 978-5-903080-06-9

Охраняется Законом РФ об авторском праве

© Г. Явлинский, 2007

© А. Бондаренко, художественное оформление, 2007

*Официальная пропаганда,
воспользовавшись старым текстом
А.И. Солженицына
(впервые опубликован
в России в 1995 году),
недавно развернула “дискуссию”
об уроках Февральской
революции.*

*Основные уроки были изложены
про- и околоправительственными
СМИ примерно так:*

Это был не столько народный бунт,
сколько заранее спланированная
измена элиты.

Победа общества в столетней дуэли
с треном привела к национальной
катастрофе.

Отречение Государя — предательство
национальных интересов.

“Всякий народ вправе ожидать от
своего правительства силы — а иначе
зачем и правительство”, власть должна
“продрогнуть в безжалостности”,

Миролюбие хорошо для христианина,
но пагубно для правителя
великой державы.

Главная опасность для государства —
не коррупция, не преступность,
не чиновничий произвол,
а сильная оппозиция.

Иначе говоря, царю следовало бы
расстреливать бунтовщиков, и тогда было
бы все хорошо, и правитель не должен был
бы уходить, а систему можно было бы
и не менять...

Как это все современно и своевременно!

Тут и кольцо врагов, и “пятая колонна”,
и несменяемый президент, который
никуда не уходит, и его наследники,

и политическая цензура.

Тут и искусственные партии, и “слабых — бьют”. Тут и панический страх перед оппозицией, и выдумывание новых разновидностей демократии.

И “профилактика революций — это наша ежедневная забота”, а “третьего Февраля не будет”.

С многозначительным видом и распутинским пафосом все эти нехитрые охранительные банальности излагаются как официальная идеология руководства страны и поначалу способны ошеломить простодушного слушателя или читателя. Если судить об откровениях кремлевских обитателей на партийных инструктажах, на встречах со специально обученными журналистами, молодежью и даже учеными в Академии наук

по первому впечатлению, то они поражают своей безапелляционной уверенностью, универсальностью, всеобъемлющим охватом тем.

Проповедуются идеи о смысле государства, общества, мировой политике, народном характере, национальных особенностях. Вот и классик, мол, так думает.

Но при малейшем вдумчивом, серьезном отношении к этим “политинформациям” высоких чиновников, которым доверено излагать государевы мысли, обнаруживается, что произносящий свои лукавые монологи “философско-политический эрудит” иногда просто куражится, а нередко действует как аферист, выписывающий платежные чеки, не обеспеченные наличностью.

“Новая газета” представляет другую точку зрения на причины краха российской государственности и ключевые проблемы, стоящие сегодня перед страной, а также на современную политическую философию их решения.

Это спор вовсе не с Солженицыным лично, а с навязываемым нам и, возможно, даже господствующим взглядом на то, что такое Россия и как должна быть устроена у нас жизнь.

Февральские параллели

О Февральской революции 1917-го в этом году сказано и написано много. Однако памятные даты проходят, и дискуссия, по нашему обыкновению, сошла на нет, споры улеглись до следующих круглых цифр на календаре. Осенью нахлынет и так же потом стихнет волна разговоров о главном юбилее этого года — октябрьском. Скорее всего, логика и контекст дискуссий будут другими, тем более что к тому времени начнется федеральная предвыборная кампания. Между тем настоящие осознание и понимание того, что случилось 90 лет назад, нам необходимы сегодня принципиально, а не ради только сохранения исторической памяти. Все произошедшее с февраля по октябрь 1917-го (именно так: вместе, без разрыва) чрезвычайно актуально для нас сегодня, сейчас.

Конечно, крушение государства — не случайность. Не результат удавшегося заговора масонов и вражьих сил. И уж, конечно, — не следствие ослепления элит или “обморока национального сознания”, произошедших, мол, в условиях войны, но в конечном счете якобы “под всепроникающим влиянием невидимого, но мощного, струящегося в течение десятилетий, агрессивного по отношению к государственности некоего гипнотического Поля”.*

* Между прочим, о том, как, по данной версии, зарождались протестные настроения в стране, приведшие ее к Февралю, сообщалось открытым текстом, но вполне деликатно и сбалансированно, еще несколько лет назад и не в официальном ежедневном печатном правительственном органе, как в этот раз.

Февраль, мол, совершили мы, русские, не совсем разумные, но при самом активнейшем и решающем будто бы интеллектуальном и протестном нам содействии части граждан Российской империи известной национально-

ти, чрезмерно по сравнению с нами ущемленных в правах. У них, в отличие от нас, мол, “был” повод разваливать царскую Россию. Именно поэтому, не выдержав такого страстного напора, абсолютистский режим рухнул со всеми своими карательными органами. Напоминаю, что некоторое количество столь могущественных людей до сих пор еще живет в России под исторической кличкой “инородцы”....

По отношению к великому русскому народу с его разными и пугачевыми подобные версии, с первых шагов придающие дискуссии сомнительный тон, качественно снижающие ее уровень, ничего, кроме незаслуженной обиды, не наносят...

На данные обстоятельства, между прочим, ни один из участников развернувшейся в СМИ полемики, насколько нам известно, не обратил внимания. А жаль. Может быть, до власти дошло бы наконец, что политический пиар, направленный односторонне и огульно против оппозиции и против всех — без оттенков — либералов, социалистов, демократов, интеллигенции, в этой ситуации несколько дурно пахнет. После такого навязшего в зубах “открытия” трудно поверить в искренность официальных лиц, поучествовавших в дискуссии, и в их озабоченность укреплением государственности и “профилактикой революции”...

Глубинная, долго назревавшая причина обрушения власти в феврале 1917-го — это нежелание и неспособность российского самодержавия как политической системы реформироваться, то есть эволюционно развиваться, адекватно отвечая на требования времени и новые угрозы, а также в полной мере соответствовать новым геополитическим реалиям, складывавшимся во второй половине XIX – начале XX века в Европе и в мире в целом.

Цепь событий, приведшая к катастрофе, — как ступени в пропасть. Поражение в Крымской войне из-за технической отсталости флота, запоздалая, “со скрипом”, с новыми несправедливостями по отношению к крестьянству отмена крепостного права, “застылость” России

при Александре III с его противоречивой “комбинацией “реформ”, контрреформ и откровенно реакционных актов”, например одиозного циркуляра 1887 года о “кухаркиных детях”. После успеха на Балканах — тяжелейшее поражение в войне с Японией.

Расплатой за полумеры, реакционность и постоянные запаздывания, то есть за вполне очевидные проявления отсутствия государственной мудрости, и стала первая неудавшаяся Революция 1905 года. “Кровавое воскресенье” — начало поворота, “вырулить” из которого мы не можем и сегодня. Это был страшный прецедент, когда оказалось, что не только оппонировать власти, но и жаловаться ей и чего-то просить у нее опасно и бесполезно. Вынужденные, половинчатые,

через силу уступки времени и обществу: Манифест 17 октября, гражданские свободы, парламент. И одновременно, “для баланса”, ограничение полномочий Думы, подгонка избирательного законодательства под административную систему.

Премьер Столыпин выбрал стратегически верный путь экономических реформ, но в тактическом, политическом и человеческом плане оставался придворным либералом, не умевшим налаживать отношения с зарождавшимся публичным политическим сословием в Государственной Думе и в земствах и тем более с крестьянами, которых его реформы коснулись больше всего. В результате, как и Александр Второй, он оказался реформатором, действующим

ПОБѢДА
РОССИИ И
СЛАВЯНСТВУ!

УЖЕ
УРАНИ!

СВОБОДУ
НАРАТЧНОЙ
РУСИ!

УРА

исключительно “сверху”, совершенно не понятый обществом и одновременно не нужный, собственно, и “верхнему” сословию, с точки зрения которого даже трагическая смерть премьер-министра — это, мол, закономерный итог, о чем не надо-де особо и жалеть. Столыпин, как заявила императрица, окончил свою роль, поскольку ему “нечего было исполнять”.*

К слову, жизнь двора при Николае Втором была устроена так, что все то время, когда Столыпин нес на себе груз и ответственность крайне радикальных реформ, он “для разводки”, как сказали бы сегодня, все более третировался ближайшим окружением царя и крайними консерваторами, для которых

* Поэль КАРП. Отечественный опыт. СПб: СМЮ Пресс, 2001, с. 215.

любые институциональные перемены были нежелательны, потому что вели к перетряске сложившейся структуры отношений, сложившихся связей.

Найден был и “патриотический” ответ на неудачи — обвинение во всех бедах “подрывных элементов” и учинение еврейских погромов. Потом — возвышение Распутина и, накануне войны, безынициативного и беспрекословного Горемыкина (вот уж говорящие фамилии!), премьерская чехарда 1916-го, когда за один год глава правительства менялся четыре раза...

Естественным состоянием такого государства стала все пронизывавшая и постоянно разраставшаяся коррупция. Ее отчетливо высветила еще русско-японская

война, среди ключевых образов которой наряду с Порт-Артуром и “Варягом” — стремительно разваливавшееся солдатское обмундирование и пропорционально богатевшие поставщики и интенданты.

Коррупционные схемы сначала дополняли, а потом заняли место легальных механизмов. Более того, они становились неотъемлемой частью державно-административной системы, которая эти, как раз легальные, механизмы и отвергала как либеральную заразу. Окружение государя, Распутин не только естественно вписывались в разрастающиеся коррупционные схемы, но и создали новые. Соприкосновение растущего рынка и неподконтрольной обществу бюрократии породило феномен чиновников-миллионщиков.

В условиях войны отсталая и коррумпированная государственная система рухнула из-за пронизывавшей все управленческие уровни коррупции, дезорганизации снабжения фронта и тыла, роста пораженческих настроений в войсках и тотального недоверия к власти. Из-за того, что поезда с оружием и продовольствием не ходили, винтовки не стреляли, а у матросов и солдат в продовольственных пайках оказывалось сгнившее мясо...

К Первой мировой войне Россия не была готова: ни организационно, ни экономически, ни политически, ни даже морально. Война ее истощила, практически исчерпав к началу 17-го года ее возможности в дальнейшем успешных военных действий. На основе

статистических данных это как научный факт убедительно и наглядно доказал свое время академик С.Г. Струмилин.*

Думские политики, армейские генералы, другие представители российской элиты, поддержавшие отречение, не стремились уничтожить монархию. Они скорее хотели заменить плохого царя и Верховного главнокомандующего на хорошего, выпустить пар общественного недовольства и, возможно, несколько усовершенствовать государственное устройство. Ни к чему другому они не были готовы. “Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были в крайнем случае

* Струмилин С.Г. Избранные произведения. Т. IV. Глава “Мобилизация экономики воюющих стран”. М.: “Наука”.

безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце”, — писал принимавший отречение националист-монархист Василий Шульгин.

Генерал Брусилов, другие командующие фронтами и политики, соглашаясь на отречение царя, искренне пытались не допустить хаоса и обвала. Не удалось. Коррозия системы, ее недееспособность и недоверие общества к власти были слишком велики.

Кто пришел на смену самодержавной власти? Те политики, которые в тот момент были в России. Других взять было

неоткуда. Даже главные большевики еще не вернулись из эмиграции.

Парламентские лидеры, в руки которых в феврале 1917-го упала власть, в большинстве своем были образованными и честными людьми. Они не грабили свою страну, не обманывали ее.

Они отменили все ограничения в имущественных правах, выборе места жительства, поступлении на службу и в учебные заведения. Упразднили цензуру. Предоставили гражданам право свободно объединяться в общества и проводить собрания. Ввели мировые и административные суды (где можно было обжаловать действия властей), расширили права присяжных. Создали земельные комитеты, приступившие

было к выработке новой аграрной реформы. Предоставили Православной церкви свободу от государственного давления. При этом главные вопросы предполагалось решить на Учредительном собрании.

Они провозгласили Россию республикой, провели всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в парламент.

Они торопились, но постоянно запаздывали. Они сделали, наверное, все, что было в их силах.

По-человечески это много, но для того, чтобы сохранить государство, спасти страну от катастрофы в условиях тяжелой войны и стать адекватными сложнейшей обстановке государственными

деятелями, этого все-таки мало.

Временное правительство сосредоточило в своих руках огромные полномочия: исполнительной, законодательной и даже, подчинив себе Сенат, судебной власти, но не умело и не решалось ими распорядиться.

А ведь, казалось бы, оно с первого дня своего существования должно было знать, что и как делать со страной, иметь программу, уметь объяснить ее людям.*

В общем, необходимо было быть временным лишь по названию, но по сути — настоящим правительством,

* В первые дни были сделаны и трудноисправимые ошибки: роспуск старой административной власти на местах, а также положивший начало окончательному развалу действующей армии Приказ № 1, принятый “второй” властью — Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, согласно которому в армии вводилась “демократия” ...

от которого требуется неизмеримо больше, чем от избиркома или временного управляющего обанкротившимся предприятием в ожидании нового владельца.

Не хватало опыта практической государственной повседневной работы — и выработки стратегии, и принятия тактических управленческих решений. Огромная сложность состояла и в том, что абсолютно коррумпированные государственные учреждения в условиях нараставшего двоевластия просто разлагались и нужны были практический опыт и знания, как ими руководить и реформировать. Занять такой опыт у кого-то другого, на время, невозможно, а взяться ему было неоткуда.

Пасхальное яичко Государственной Думы—Русскому народу.

Самодержавие, как известно, не позволяло сформироваться новой государственной управленческой элите. Ему изначально не нужен был демократический орган в виде Думы, посягавший на его полномочия. Дума, в которой находились все оппозиционные силы и из которой вышли февральские лидеры, была школой скорее красноречия, ораторского и полемического искусства, чем государственного управления. Она боролась за “ответственное министерство”, имела даже примерный, сформированный в годы войны его список, но никогда на практике не формировала правительство, не делегировала в него своих представителей, не контролировала работу министров.

Впрочем, дело еще и в извращенности, лживости всей государственной системы: парламент, призванный представлять интересы общества, был властью скорее словесной. Газеты много чего писали, но мало на что влияли. Правительство, не обладая достаточными волей и полномочиями, постоянно смотрело вверх, а там вместо государственного мышления и логики государственного управления были лишь интриги, неумная корысть и распутинские “записочки”.

В условиях авторитарной системы самодержавия не было эволюции элиты, ее роста, обучения самоуправлению на всех уровнях. Не было взросления.

Неудивительно, что эта элита вела себя как подросток в период полового

созревания, когда самостоятельность понимается прежде всего как преодоление “гнета” старших, но жизнь без старших вообще даже и не мыслится. Богатый протестный опыт не помогает тем, кто вдруг становится настоящей, взрослой властью. Неспособность действовать оправдывалась тем, что все, мол, потом решит Учредительное собрание с помощью законов, которые оно примет.

Для взросления было необходимо время — может быть, не очень большое. И кто знает, пережили Россия без тотальных потрясений еще год, наверное, она бы оказалась в почетном ряду победителей в войне и вышла бы на общий европейский путь в рамках разработанного деятелями Антанты версальского процесса. Это был

бы нелегкий, драматический путь, но путь, скорее всего, без ГУЛАГа, а возможно, даже и без Гитлера, без Второй мировой...

Но раньше Учредительного собрания пришли большевики с их матерой зрелостью и опытом выживания в любых условиях, немецкими деньгами и решимостью захватить власть во что бы то ни стало, не останавливаясь перед такими “пережитками прошлого”, как закон, мораль, человеческие жизни.

Вот деятелей такого рода самодержавная авторитарная система как раз хорошо воспитала и закалила! В условиях, которые заставляли вхолостую работать ответственно настроенных парламентских политиков, естественно

раздувалось значение маргинальных радикалов и популистов. Там, где недовольство растет, но не находит выхода в деле, там герой и вождь — тот, кто красиво может наговорить с три короба, громче всех кричит, дает простые и очень заманчивые обещания. А уж если он к тому же “пострадал от режима” — был в тюрьме, ссылке, вынужденной эмиграции, то его претензии вообще не знали границ и, как правило, абсолютно не совпадали со способностями к государственной работе. Репрессии, испытанные такого рода людьми, их не ослабляют, а “делают им биографию”. И, надо сказать, политическую биографию заговорщикам, революционерам и террористам царский режим действительно сделал своей столетней традицией сугубо карательных

„КРАСА И ГОРДОСТЬ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

и вместе с тем беспомощных попыток побороть это зло.*

Большевистская диктатура, несмотря на то что рождалась как власть, действующая от имени большинства народа, уже одним своим фактом существования развязала в стране Гражданскую войну и на многие десятилетия “заморозила” Россию кровью. Естественно, задачу эволюции власти

* Справедливости ради следует отметить, что популизм большевиков отвечал настроениям стихийного коммунизма большей части населения страны, в массе своей состоящего из крестьянской бедноты, рабочих и солдат. “Долой войну!”, “Земля — крестьянам!”, “Фабрики — рабочим!” — это ведь так понятно для тех, кто беден, вообще ничего не имеет, кроме собственных рук, и смертельно устал от войны. И во всем этом тоже — историческая вина царизма, так и не выучившего уроки первой русской революции и все сделавшего для повторения социального взрыва, но уже в неизмеримо больших масштабах.

она не решала, поскольку внутри себя не столько выращивала, сколько уничтожала. В первую очередь и почти без исключения — самостоятельных, инициативных, образованных, тех, кто на самом деле мог обеспечить стране лидерские позиции в мире не в плане силы и пролитой крови, а в смысле реального, естественного, а не деформированного, как случилось, развития страны.

Сравнивать сегодняшнюю Россию с Россией 90-летней давности на уровне буквальных аналогий — это, несомненно, более чем условность. Те, кто пытается это делать буквально, занимаются небезопасным “историческим пиаром”. Но повод для аналогий и для такого “пиара” существует.

Сегодня опять складывается знакомая картина. Как и 90 лет назад, нынешняя российская авторитарная система — это прежде всего коррупция и бюрократический беспредел. Главная слабость этой системы, пытающейся существовать за счет официально культивируемого пренебрежения правом человека на жизнь и достоинство, проистекает из ложных, умозрительных конструкций типа “нефтегазовая сверхдержава” и “суверенная демократия”. Однобокое, преимущественно сырьевое развитие экономики, отказ от признания неприкосновенности частной собственности, государственный налоговый рэкет, неразрешимость проблемы создания современных производств не только тормозят экономический прогресс России,

но и подрывают ее перспективу.

При сохранении этих давних и новых, приобретенных в ходе “реформ” пороков Россия становится экономически уязвимой, а в смысле дееспособности и эффективности государственной власти — немощной страной.

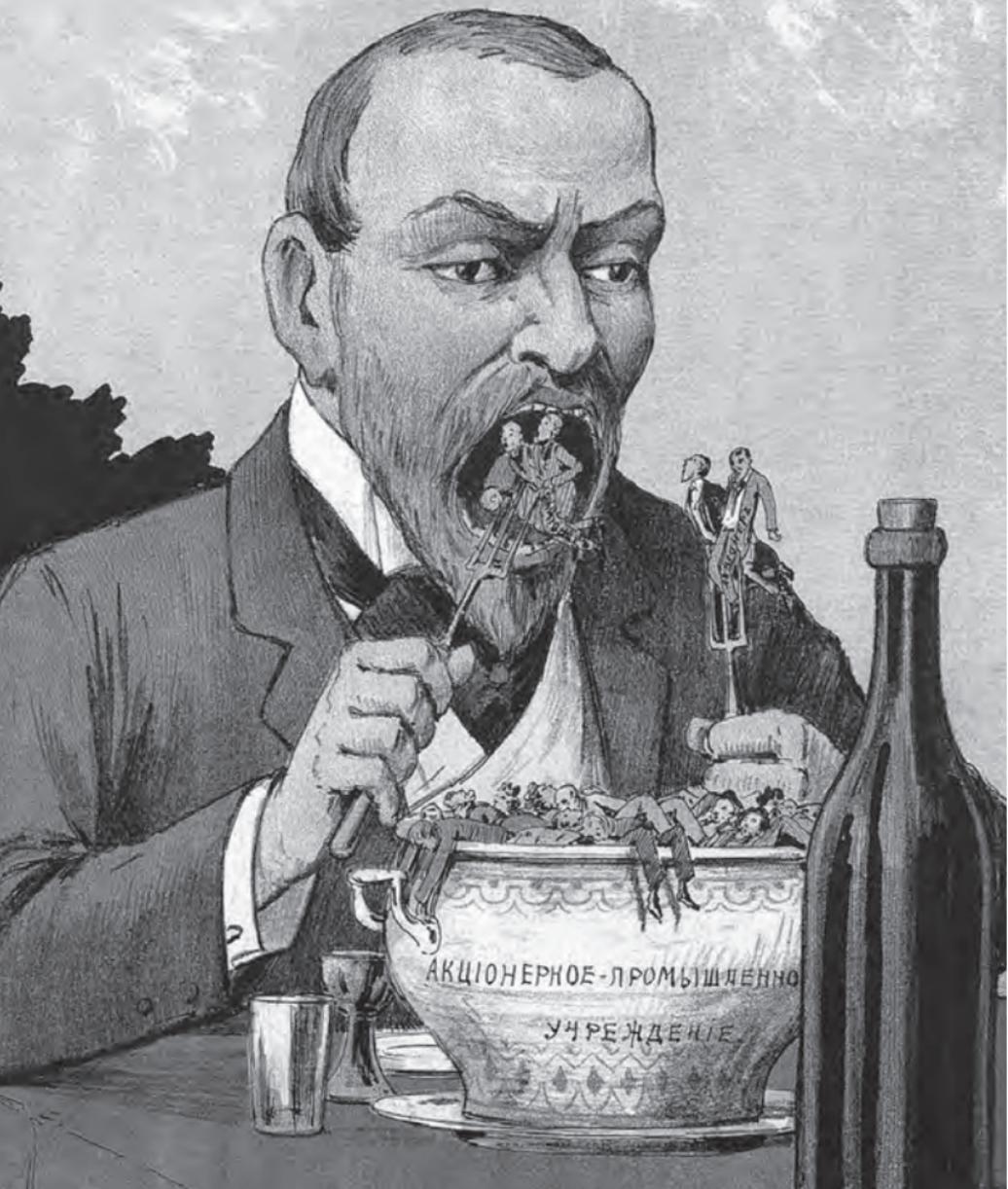
Однако ахиллесова пята нынешнего режима — его разрыв со значительной частью общества. Власть правящей номенклатуры основана на обмане и манипулировании, подкупе и угрозах, а не на искусстве компромисса. Воинственный имморализм, насаждаемый в обществе, и духовная усталость народа, окончательно подорванного пятнадцатилетием бедности, социальных лишений в наиболее чувствительных сферах, привели

к политической апатии. Необходимые механизмы и способы преодоления всего этого не только не созданы, но в последние годы демонтированы и те, которые хоть в какой-то степени были направлены на решение этой задачи и сдерживали регресс.

Все, что могло бы способствовать реальному укреплению власти и притоку в нее новых, сильных людей, вытаптывается.

Избирательное законодательство и организация выборов “обрезаны” в который уже раз так, чтобы Дума гарантированно не создавала проблем для президента и правительства. Впрочем, сейчас парламент не может быть даже школой красноречия, он ведь “не место для политических дискуссий”.

Акционерные гурманы.
(На подвигах промышленных воротил).

Органическая связь государства с обществом подменяется имитационной деятельностью специально созданной для этого Общественной палаты, а реальные, живые гражданские организации всеми силами выдавливаются из нашей жизни как ненужные, непонятные и потому подозрительные и неблагонадежные.

Политики, которые претендуют на самостоятельность поведения и мышления, тоже последовательно и жестко ограничиваются и вытесняются с политического поля. Люди, обладающие свободным складом ума, образованные, не замаранные в финансовых аферах и в криминальном стяжательстве, отнесены к категории неуправляемых и нелояльных. А потому они не допущены к обсуждению и подготовке государственных решений.

Вместо них, в отсутствие нормальной публичной политики, возвращается политическая шпана, владеющая только одной технологией — возбуждением толпы.

Повторяются опаснейшие попытки направить общественное недовольство в сторону “понаехавших” из числа представителей “некоренного населения”.

Незаметное и безынициативное премьерство, назначение министром обороны абсолютно далекого от армии человека, десятки, если не сотни, назначений на государственные должности малокомпетентных людей, переназначения коррумпированных, одиозных губернаторов — это повторение нелепых кадровых опытов Николая

Второго с Горемыкиным, Штюмером и прочими случайными лицами во времена распутинщины.

Сегодня самые обычные формы реального, но независимого, самостоятельного участия граждан в общественном и политическом процессе — такие, например, как голосование за негосударственные партии, гражданский контроль, членство в независимых политических партиях, местное самоуправление, общественные организации, профсоюзы, — по существу, квалифицируются как свидетельство о причастности едва ли не к антигосударственной деятельности. Разумного, просвещенного государственного управления, основанного на общественном участии в

нем граждан и с опорой на него, снова не получается.

Складывается впечатление, что президентская администрация считает главной своей государственной функцией — “держать и не пущать”, всячески тормозить проявления реальной демократии. Обществу навязывается гипертрофированное представление о людях, находящихся у власти, как едва ли не тождественных самому государству и даже России в целом. Лояльность к представителям администраций различного уровня расценивается чуть ли не как показатель истинного патриотизма.

Таким образом, напрашивается вывод: главная задача власти — не эволюционное развитие государственного устройства,

не постепенное реформирование с целью построения современного гибкого, устойчивого государства европейского типа с независимым правосудием, парламентом, ответственной национальной элитой и капиталом, а охранительная: выстоять, продержаться и не поступиться.

Дискуссия о Февральской революции, да и не только о ней, в подцензурных СМИ ведется только ради одного: что бы ни случилось, ни в коем случае нельзя ослаблять авторитарную хватку режима. Штатные пропагандисты и нештатные эксперты на все лады повторяют: главное — защита власти от нападков и посягательств, сохранение ее в неизменном виде, в том числе и персонально, несмотря на коррупцию, преступность,

Наши заграницей.

— Ну, вотъ, а еще говорятъ, что заграницей не любятъ русскихъ!

вывоз капитала и неподконтрольность государству и обществу многих сфер, важнейших для жизни и безопасности страны.

Оправдание такой системы и призывы “не прикасаться” к ней, ничего не менять — вот поистине путь к катастрофе, потому что, столкнувшись однажды с серьезными испытаниями и трудностями, эта власть способна так же, как некогда царская, в одночасье рухнуть. А серьезных трудностей у живущей в основном за счет благоприятной экономической конъюнктуры страны, которая имеет самые протяженные в мире границы и соседей из числа крайне нестабильных государств, может возникнуть много.

Обвальное падение авторитарной власти для ответственных граждан и политиков не может стать поводом для радости, будь то Февраль 17-го или же какой-нибудь катаклизм новейших времен.

Искренне любить революцию как таковую, которая сминает государство, восхищаться самим процессом разрушения могут только люди, крайне обиженные властью, анархисты, “профессиональные” радикалы да еще мародеры и уголовники. Всегда, конечно, есть и разнообразная околополитическая шушера, готовая “подтолкнуть падающего” и еще нажиться на этом.

Однако сыграть свою подлую разрушительную роль подобные деятели смогут, как известно, только в том случае, если власть начнет разваливаться сама

по внутренним, системным причинам.
Поэтому не в них дело.

Главный и самый тревожный урок нынешнего юбилея в том, что ни у власти, ни у общества нет ни малейшего желания понять, почему в России в течение семидесяти четырех лет дважды происходило полное крушение государства.

Параллели и совпадения с Февралем 1917 года существенны и потому не подлежат замалчиванию.

У авторитарной российской власти сегодня снова нет реальной опоры на живые общественные образования — автономные институты, структуры — и на самостоятельных людей.

Имитаций в виде таких, например, органов, как Общественная палата или “размножающаяся путем искусственного оплодотворения” партия власти, можно создать сколько угодно, но рассчитывать на их помощь в критической ситуации — все равно что споткнувшемуся кукловоду ждать, что его удержат и поднимут вдруг ожившие куклы. Последний русский император понял это очень поздно, когда только и оставалось записать в дневнике, что все его предали.

Сегодня суть того, что у нас называют “проблемой-2008”, заключается тоже в том, что пиаровская стабильность власти держится на одном человеке, которого, как оказалось, в авторитарной системе никто не знает, кем и как заменить. Он не может уйти, не поколебав замкнутую на него

“вертикаль”, без ее сотрясения до самого основания.

Он не может и оставаться руководителем государства до бесконечности. Со временем все недовольство положением дел в стране, работой министров, уровнем жизни и репертуаром телеэфира сконцентрируется на нем. Авторитарные режимы вообще имеют тенденцию к самоугасанию — в силу их родовой неспособности сохранять свой исходный динамизм и свою изначальную природу в течение длительного времени. Бесконечные притеснения человека огромной и бездушной бюрократической системой, атрибуты полицейского государства, цинизм, ложь и пиар рано или поздно захватывают все сферы жизни и тогда рано или поздно надоедают

НИКОЛАЯ КРОВДОВОГО
ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ
КРЕЛОСТЬ!

всем, как надоедает приевшийся разврат. Общество либо находит в себе силы, чтобы сменить такой порядок вещей, либо в конечном счете погибает....

Против Путина и его системы начнут работать им же самим запущенные технологии “канализации” протестных настроений в борьбу с внешними и внутренними врагами и национальную рознь. (Точно так же, как за “патриотическими” немецкими погромами 1914-го последовали слухи о связях царской семьи с немцами.) И тогда его пребывание у власти станет дестабилизирующим фактором, приближающим крах созданной им системы.

И сразу, или чуть погодя, после падения власти на ее развалины ринутся,

как водится, политические негодяи и мародеры. У них снова будет больше шансов, чем у всех прочих.

И это уже видно.

Попытки выставить сегодня Февраль результатом случайности или заговора и представить современную Россию как наследницу самовластного государства, стоящего над подданными, заводят общество в тупик, лишают его истинных критериев в выборе адекватной историческим задачам, стоящим перед страной, формы государственного устройства и правления. В условиях, когда от государства требуется быть конкурентоспособным, чтобы сохраниться и выжить в современном противоречивом и агрессивном мире, нам предлагается архаика — традиция,

которая 90 лет назад обанкротилась именно потому, что безответственное самодержавие в России цеплялось за абсолютизм как за спасательный круг, бесконечно злоупотребляло терпением общества, было чуждо его истинным проблемам. Идеологически раскручивая линию на стремление к идеалу в виде России 1913 года, власти ориентируются на страну, в которой с исторической неизбежностью назревал крах самодержавного режима, а с ним и государства, не желавшего и не умевшего реформироваться и приобщать общество к управлению государственными делами. Разговоры об особом, третьем пути, о “пятой империи” — это, по сути, та же распутинская “обманка”, очередная тщетная попытка заставить людей, находящихся под пятой авторитарного

государства, начавшего уже разлагаться, поверить в его иссякшие способности. В такие миражи, конечно, можно верить, если нечем больше заняться, но на них ни в коем случае нельзя полагаться практически.

Что же делать? Для того чтобы действительно уберечь Россию от очередной катастрофы государственности, надо перестать играть в самодержавие накануне крушения родственной ему формы в виде нынешнего российского авторитаризма. Надо четко наконец провозгласить, что Россия по природе своей — европейская страна, что демократия европейского образца (а других и нет) — естественный и единственно верный способ организации власти в России, что права человека на

жизнь, свободу и достоинство — наши, государственные, российские, русские базовые ценности.

Единственный путь к политической стабильности, к конституционной смене власти без потрясений и революций — это отказ от авторитаризма и эволюционное, поступательное движение в направлении реализации в России модели европейской социально-либеральной демократии, для разработки которой много сделали русские философы. Это означает прежде всего сближение власти и общества, расширение политического поля, создание независимой судебной системы, обеспечение неприкосновенности частной собственности и одинаковых для всех участников рынка правил, формирование среднего класса (образованного

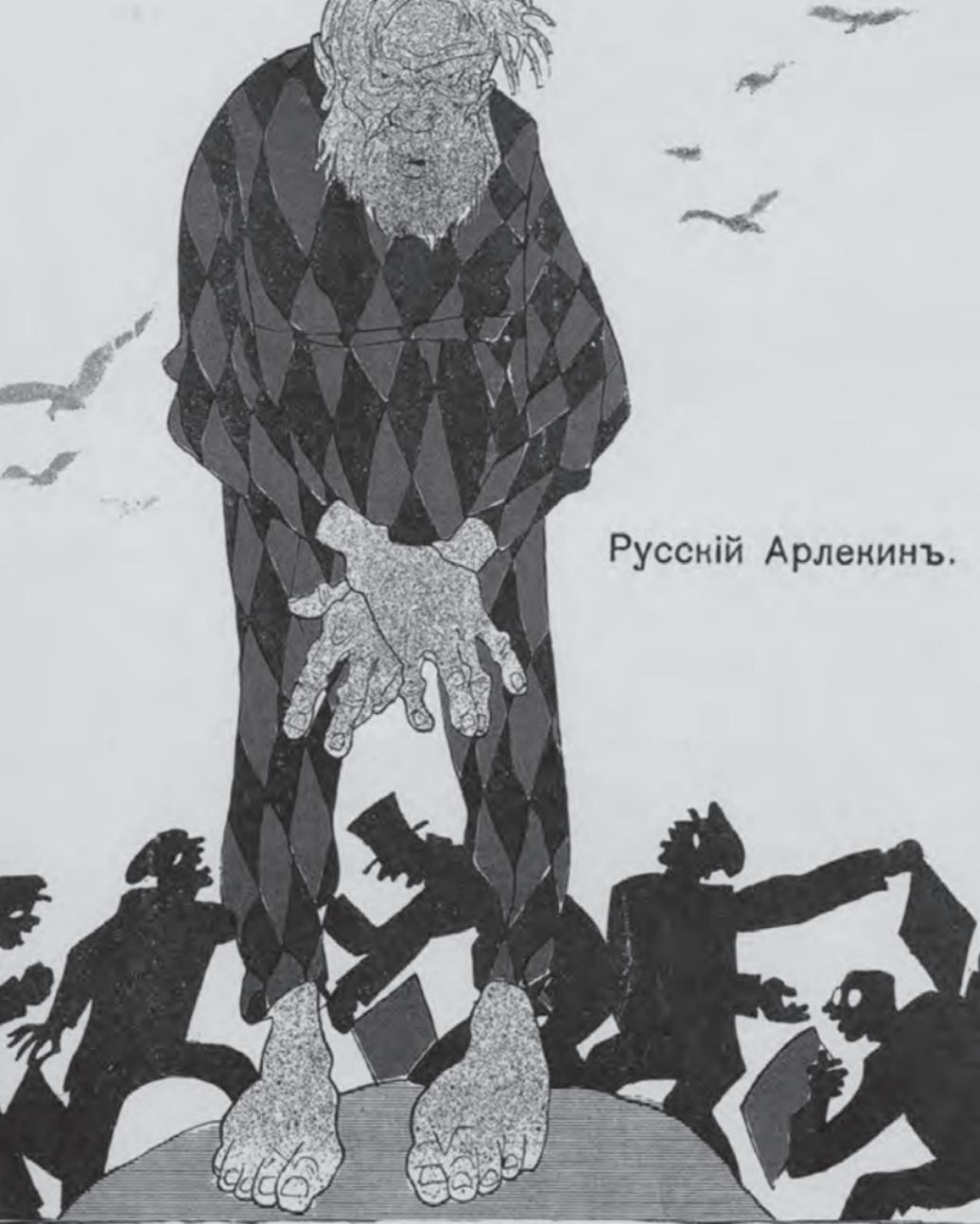
собственника, которому есть что терять; о таком собственнике мечтал еще Столыпин)...

Важнейшей предпосылкой движения в этом направлении является, кстати говоря, серьезное исправление многого из того, что было сделано с начала 1990-х годов. Ведь тогда большевизм, по сути, никуда не девался. Советская власть рухнула под грузом своей собственной тяжести. Но сразу же дало себя знать, что Российская Федерация (и в этом было некоторое ее отличие от других республик Советского Союза) не знала никакого иного способа управления, кроме — едва ли не на все 100% — номенклатурного. То есть в конце XX века ситуация повторила февральскую начала века: тоталитарная система рухнула,

а непрактичных мастеров разговорного жанра — демократов — быстро отодвинули от управления люди, не обремененные принципами. Власть захватили представители худшей части советской номенклатуры: обкомовцы, комсомольцы и директора. Основываясь на наборе примитивных необольшевистских тезисов, они сохранили авторитаризм принятия решений и — очень “гармонично” — дополнили его “олигархией” в финансах и собственности. У новых, молодых “большевичков” подход остался прежним: главное — отобрать и поделить, цель оправдывает средства, а сохранение власти оправдывает вообще все.

В 90-е, а затем в 2000-е годы произошла крайняя монетизация всех сфер

жизни каждого человека. При этом в вопросах отношения человека и власти, возможности взгляда человека на общество и свое место в нем лишь усиливался самый примитивный номенклатурный патернализм. В результате основным настроением гражданина по отношению к стране и обществу стали по необходимости скрываемый “правильным поведением” скепсис, вынужденный цинизм и взгляд на государство, общество, общественную жизнь как на стихию судьбы, которой можно только покоряться или приспособливаться, но смешно хоть в чем-то противостоять. А для удовлетворения внутреннего “чувства справедливости” можно копить камни за пазухой, чтобы однажды их бросить в какой-то объективно бессмысленный и неподходящий, но эмоционально

Русский Арлекинъ.

Современный русский костюмъ изъ сорока партійныхъ лоскутковъ.

мотивированный момент. Люди ощущают отсутствие всяких своих возможностей не только на уровне государства, но в “микросреде”, корпорациях, творческих и трудовых коллективах и даже в ряде сообществ, все еще относимых к разряду независимых и оппозиционных: дух номенклатурного театра с заскорузлой иерархией и расписанными в ее рамках ролями оказался всепроникающим. Преобразования России как творческий процесс — а именно только так оно имело шанс быть продуктивным — не состоялось.

События последних 15 лет новой России убеждают: смена риторик, смена кадров и кардинальные перемены в судьбе тех или иных представителей власти несколько не изменили ее природы, а лишь усилили

самые негативные ее проявления. Нужно демонтировать олигархическую систему в политике и экономике, восстановить социальную справедливость, раз и навсегда решить вопрос с легитимацией крупной частной собственности. Обсуждение такого “проекта” — повод для отдельного серьезного разговора. Но это должен быть честный разговор во имя будущего страны, а не демагогическое осуждение “эпохи 90-х” с тем, чтобы на самом деле оставить все примерно так, как есть, или же сделать еще намного хуже. Граждане и власть должны честно смотреть вперед, а не озираться по сторонам в поисках врагов и не пытаться искать прогресса в дремучей реакции — в этом для всех нас, сегодняшних, один из уроков переломных событий 90-летней давности нашей, все еще не пережитой истории.

Первый шаг в этом направлении — это демократизация власти, обеспечение действенного общественного контроля над ней. В связи с этим представляется, что нынешний президент России, прежде чем через год покинуть свой пост, мог бы если уж и не возглавить Великую Демократическую Эволюцию России, как в свое время от этого сознательно уклонился Николай Второй, то хотя бы существенно расчистить взгроможденные завалы на ее пути.

Из всего наиболее одиозного, что тут было наворочено режимом за последние годы, речь прежде всего идет о тех искусственно, в интересах партии власти созданных инструментах для борьбы с оппозицией, которые сначала рождались в тиши

политтехнологических, бюрократических и властных кабинетов, а потом приобретали в беспрекословно послушной Думе силу закона.

Однако сегодня именно с помощью данного бесхребетного представительного органа и всей так называемой вертикали власти можно еще переделать большой минус на хотя бы небольшой плюс. И тем самым заложить основы для проведения честных выборов не только в ходе будущей кампании 2007–2008 гг., но и последующих — в более отдаленной перспективе...

Вернуть, например, избирательное право в исходное состояние, в котором оно находилось в начале 2000-х годов. Тогда оно было более

демократично и больше соответствовало букве и духу действующей Конституции.

Обязательно вернуть выборы губернаторов. А для снижения коррупционности разрешить их выдвижение только от партий.

Крайне желательно было бы также законодательно и жестко ограничить возможность исполнительной власти вмешиваться в партийное строительство. Категорически запретить создание искусственной по отношению к себе, карманной оппозиции, учинение надуманных препятствий (вплоть до снятия с выборов под всяческими предложениями) оппозиции уже реально существующей, за которой стоят не корпоративные властные интересы, а интересы конкретных людей с мест.

Неплохо было бы также ввести в действующее законодательство норму, запрещающую принятие законов и подзаконных актов, обеспечивающих фактическое преимущество одним партиям в ущерб другим, полностью игнорирующих мнение протестного электората. Это и пресловутый 7-процентный барьер, это и отмена “процента неявки” и графы “против всех”. Подобные новации должны квалифицироваться как посягательство на действующую Конституцию и саму государственность...

Необходимо актом помилования освободить из мест лишения свободы всех тех лиц, в отношении которых есть существенные основания считать, что они попали туда в результате действий

“оборотней” в погонах или с какими-то еще знаками. (Не надо безосновательно повторять, что никто не вправе ставить под сомнение приговор суда.) Наказать или даже отставить всех без исключения “оборотней” в краткосрочной перспективе не представляется возможным, но такие деятели должны знать по крайней мере, что их возможности небезграничны.

Огромная и сложная работа нужна в направлении создания экономических институтов защиты собственности, ее легитимации и, конечно, введения справедливых экономических условий, одинаковых для всех.

... Такая возможность существенно улучшить будущее России еще есть. Неиспользование ее может привести к

тому, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, российским историкам придется снова ломать голову: были ли неизбежными, мол, какой-нибудь Февраль и Октябрь такого-то катастрофического для России энного года в начале XXI века? Не хочется оставлять им такую возможность. Поскольку мы-то уже доподлинно знаем, что исторический шанс, чтобы то или иное грозное событие произошло, в существенной мере вызревает сегодня. И творим его мы: своим действием или бездействием.

Февраль – апрель, 2007 г.

Григорий Явлинский Февральские параллели

*Художественное оформление
и компьютерная верстка*

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор

ЛЮДМИЛА САФАРЯН

Руководитель проекта

ВЕРА КОНЕВА

Подписано в печать 06.08.2007.

Формат 60x90 1/32.

Гарнитура Original GaramondC

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.печ.л. 5. Тираж 10000 экз.

Заказ № 7958.

Издательство “Новая газета”

101990, Москва, Потаповский пер., 3

Телефон: +7(495)624-20-54, факс: +7(495)623-68-88

e-mail: 2007@novayagazeta.ru, <http://novayagazeta.ru>

При поддержке Издательства ООО “МОРКНИГА”

Телефон: +7(495)754-33-32; <http://www.centrmag.ru>

Отпечатано в ОАО ордена “Знак Почета”

“Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова”

Представительство в г. Москва: +7(495)262-32-64

НОВАЯ
ТАБЛЕТКА

9 785903 080069 >